

В. ВАЦУРО

Парадоксы дилетантизма

О пушкиноведении и «полемиических заметках»

П. Бекедин написал, а журнал «Дон» (1979, № 6) напечатал статью «...Доступен гений для глаза искренних сердец», посвященную новым произведениям о Пушкине и проблемам пушкиноведения. Статья написана в жанре «полемиических заметок», опубликована «в дискуссионном порядке» и в самом деле приглашает к дискуссии по проблемам важным и острым.

«С каждым днем труднее побить с поэтом наедине, как это гениально и непревзойденно удавалось В. Г. Белинскому», — замечает П. Бекедин. Заметим, что никто не лишен этого права — побить с Пушкиным наедине. Но все дело в том, что П. Бекедин хочет «побить наедине» в присутствии 69 000 читателей журнала, а это налагает некоторые обязанности. «Простому грешному, — продолжает автор, — «пробраться» к Пушкину еще сложнее: всюду расставлены ограничители типа — «Пушкиноведение стало точной наукой», «Ю. Н. Тынянов подобного не допускал», «Б. С. Мейлах и Ю. Г. Оксман это отрицают» и т. п. Почти всякое «инакомыслие» (к сожалению, оно не всегда выражается высокопрофессионально), в котором нередко содержится гораздо больше истины, чем в устоявшихся и, казалось бы, незыблемых положениях относительно той или иной проблемы пушкинского творчества, не проходит безнаказанно».

В конце своей статьи П. Бекедин вновь возвращается к этой декларации. «Справедливость или

несправедливость суждений зависит в конце концов не от личности того, кто его высказал, — цитирует он А. Далчева, — а от того, соответствует ли он действительности или нет». Не станем спорить и с этим, быть может, излишне абстрактным суждением и будем разбирать только «соответствие действительности» общих и частных мнений критика.

Первая проблема, поставленная П. Бекединым, — это проблема пушкиноведческой «касты», которая, мол, надежно защищена незыблемыми авторитетами, оберегающими ее границы. Здесь царит забота о репутации ученых, для которых Пушкин — лишь повод; они допускают неточности и многочисленные опечатки, на которые им указывают взволнованные читатели (с. 168). Эти «пушкинисты» не любят «исследований проблемно-аналитического, обобщающего характера» и «предпочитают, что называется, размениваться по мелочам», среди них «ощущается недостаток пушкинистов-универсалов, пушкинистов-энциклопедистов» (с. 166). Излюбленный их метод — выискивание «западных влияний» на произведения поэта, они охотно подвергают сомнению «историческую достоверность некоторых пушкинских созданий», о чем также в свое время взволнованно писали (с. 167). В результате всей этой деятельности не завершена «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», затягивается подготовка нового академического издания «с обширными научными комментариями», не начата работа над «Пушкинской энциклопедией» и ослабел приток свежих сил, «а между тем пополнение этой области филологии молодыми талантливыми кадрами необходимо как никогда раньше» (с. 168).

На трех страницах статьи смелой и живописной кистью набросана впечатляющая картина распада. Обсуждать ее в целом невозможно: ее следует расчленивать и рассмотреть каждую проблему в отдельности. При этом весьма существенно знать, с каких позиций критик произносит свой суд в каждом отдельном случае, какова его позитивная программа, — только в этом случае мы можем попытаться установить степень «соответствия действительности» его суждений.

1

Начнем с вопроса о «фактических ошибках и разного рода неточностях». П. Бекедин уходит от принципиальной постановки этого вопроса, ограничиваясь указанием на «опечатки», якобы имеющие «принципиальное значение», и «неточности», замеченные «взволнованными» читателями. Между тем вопрос гораздо глубже и серьезнее. Ошибки ошибкам рознь. Избежать ошибок в датах, опечаток, фактических неточностей не удавалось ни одному исследователю — в особенности в больших и насыщенных фактами работах, — это аксиоматично для всех, кто когда-либо сам занимался исследованием. Но есть ошибки особого рода — на них обращал внимание в серии своих статей И. Ямпольский. За ними стоит не промах, не недосмотр исследователя, но недостаточно детальное и конкретное знание эпохи и неумение пользоваться источниками, как говорят иногда, произвести их «филологическую критику», то есть определить степень их достоверности. Для исследователя пушкинской эпохи такое незнание и неумение особенно опасно. Заметим, что именно собирание и сопоставление отдельных фактов является в конечном счете основой «Летописи» и научного комментария к Пушкину — тех самых трудов, в защиту которых столь энергично выступает П. Бекедин.

Критик «опечаток» не заметил, что на первых же страницах своего труда он дал весьма выразительный пример такого рода принципиальной ошибки.

«Он (Пушкин) постучал в дверь. Открыла Екатерина Андреевна. Она внимательно посмотрела на него — понок признаний полился из его глаз в ответ! Но что это — она в комнате была не одна?»

Да, справа, возле стола, стоял Карамзин, и записка была у него в руках. Брови у Карамзина не

От ред.: Само собой разумеется, что данные заметки далеки от оценки общей работы критического отдела журнала «Дон», который как раз за последнее время ожил и стал вестись более профессионально.

доуменно поднялись вверх, а на лице было грустное, даже скорбное выражение.

— Что это значит? — тихим голосом спросил Карамзин.

Отступать было некуда.

— Я, простите, не понимаю вашего поступка, — сказал Карамзин тихим голосом, стоя спиной к юноше.

Что было делать? Куда увлек его необдуманный порыв? Схватившись руками за голову, Пушкин, шатаясь, прошел по комнате и опустился на диван. Плечи его задргались — он заплакал...

Это цитата из романа Л. Дугина «Лицей», приведенная критиком как образец литературщины и упрощения. «Создается впечатление, что главным «документальным» источником для автора служили расхожие слухи, дожившие, к сожалению, до сегодняшних дней» (с. 165).

Художественные достоинства этого отрывка нас сейчас не интересуют. Нам важна его научная апробация, произведенная критиком: «расхожие слухи»...

Проверим, так ли это.

...Екатерина Афанасьевна Протасова рассказывала Н. Елагину, что Пушкин написал Е. Карамзину любовную записку; та показала ее мужу, и вся история была обращена в шутку. Этот эпизод записал со слов Елагина один из первых биографов Пушкина — П. Бартнев.

Кто такая Протасова? Сводная сестра Жуковского, родственница первой жены Карамзина. «Сплетня» исходила из близкого Пушкину и Карамзинным круга — из среды людей, явно доброжелательствовавших Пушкину.

Д. Блудов, не знавший о рассказе Протасовой, передавал тому же Бартневу этот эпизод, но несколько иначе. Блудов был одним из близких Карамзину людей и слышал это от самого Карамзина.

И. Малиновский, лицейский товарищ Пушкина, очень его любивший, рассказывал, что письмо действительно было и что Карамзин передал его дяде мемуариста, П. Малиновскому, с детства знакомому с С. Пушкиным.

Историк М. Погодин, преданный памяти Пушкина и близко общавшийся с семейством Карамзинных — с сыном и дочерью историкографа, — рассказывает то же самое в своей биографии Карамзина.

А. Керн называет Е. А. Карамзину первой любовью Пушкина.

Эти справки можно было бы продолжать. Однако уже из того, что сказано, ясно, что «сплет-

не» не может быть и речи. Это — мемуарное свидетельство, подкрепленное источниками чрезвычайно достоверными. Они не вполне покрывают друг друга и кое в чем расходятся, как и полагается разнородным мемуарным свидетельствам, но сходятся в одном — что такой эпизод был.

Если бы П. Бекедин сказал, что Л. Дугин неверно его освещает, что некоторые мемуаристы утверждают, будто письмо было написано Пушкиным не Е. Карамзиной, а другому лицу и попало не по адресу, то его возражение было бы если не справедливо, то во всяком случае корректно. Но критик сказал не то, что он должен был бы сказать, если бы его приговор опирался на знание документов эпохи, если бы он, скажем, дал себе труда заглянуть в широко известную статью Ю. Тынянова «Безыменная любовь» и даже в первый «вышедший в 1951 г.» том «Летописи» Пушкина, где на стр. 120 содержится полный свод необходимых источников.

Мимо этого промаха в конце концов можно было бы пройти, сочтя его обмолвкой, оговоркой, случайным упущением. Но дело в том, что за ним кроется некий общий принцип, которым направляются критические суждения П. Бекедина. На стр. 167 его статьи читаем: «В последние годы участились случаи подвергать сомнению (? — В. В.) историческую достоверность некоторых пушкинских созданий. Первой пострадала великая народная трагедия «Борис Годунов», о чем в свое время взволнованно писал А. К. Югов. Новейшие изыскания, как и следовало того ожидать, подтверждают правоту поэта, чей дар историка был исключителен. В центре сегодняшних споров оказалась одна из «маленьких трагедий» — «Моцарт и Сальери». Отдельные советские музыковеды (Б. Штейнпресс) и искусствоведы (А. Гозенпуд), а также ряд зарубежных исследователей категорически отрицают не только причастность Сальери, но и сам факт отравления, считают пушкинскую версию неосновательной и целиком построенной на слухах» (следует ссылка на статью Ю. Степанова «Реабилитация Сальери?» — Неделя, 1978, № 5, 30 января — 5 февраля).

Весь этот пассаж не что иное, как явная и откровенная демагогия, которая рассыпается, как только мы поставим его автору несколько вопросов.

Прежде всего, считает ли он, что «великая народная трагедия» есть не художественное произве-

дение, а историческое исследование? Если нет, то почему же оно «страдает», если в нем находят элементы художественного вымысла? Что такие элементы есть и что они противоречат историческим данным, было известно уже первым читателям трагедии, и на них постоянно указывают «научные комментарии» к «Борису Годунову». Так, Пушкин дал биографию своему предку Гавриле Пушкину; вывел в 1-й и 2-й сценах боярина Воротынского, которого в момент действия в Москве не могло быть (Воротынские были сосланы в 1585 году) и т. д. Все это делалось в соответствии с общим замыслом трагедии. Но даже если бы это было простой ошибкой поэта, разве это дискредитировало бы его создание? Более того, если Пушкин был выдающимся историком, это еще не значит, что все его факты и выводы сохраняют значение до нашего времени. Ни одному современному историку не придет в голову некритически излагать историю крестьянской войны 1773—1775 годов по «Истории Пугачева».

Поэтому «защита» «великой народной трагедии» П. Бекединым, право же, излишня. Более того, самая проблема соответствия или несоответствия пушкинских произведений современным нам научным данным для научно-пушкиноведения совершенно несущественна. Важно другое — в какой мере Пушкин опирался на современные ему источники и как преломлял их в собственном творчестве.

Все это имеет прямое отношение и к проблеме «Моцарта и Сальери», которая приводится П. Бекединым как показательный пример «участившихся случаев подвергать сомнению». Он дает понять читателю, что в ход пуццона еще одна клеветническая версия, «реабилитирующая» Сальери и, стало быть, обвиняющая Пушкина, автора исторически неосновательной и «построенной на слухах» трагедии. Создатели версии — «отдельные советские музыковеды и искусствоведы» и некоторые «зарубежные исследователи».

Как обстоит дело в действительности?

Существует автокомментарий Пушкина к «Моцарту и Сальери», относящийся к 1832 году, где, между прочим, сказано: «Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого

Моцарта. Завистник, который мог освистать Дон-Жуана, мог отравить его творца». Точно указать, откуда к Пушкину пришли эти сведения, затруднительно, потому что предание о смерти Моцарта от яда Сальери получило широкое распространение и было своего рода сенсацией (см. свод данных в комментарии М. П. Алексева к «Моцарту и Сальери»). Заметим, однако, что Пушкин, ссылаясь очень глухо на источник своих сведений, не утверждает, что они совершенно точны, а лишь что они психологически вероятны. Для пушкинского времени это была легенда, если угодно, «слухи», и Пушкин ссылался именно на них. И нужно обладать необыкновенным критическим простодушием, чтобы поднимать при этом вопрос о «правоте» или «неправоте» поэта. Пушкин совершенно не рассчитывал, что кто-то будет изучать по его трагедии биографии Моцарта и Сальери. Его интересовали конфликт, коллизия, «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах», как он выразился однажды.

Вопрос об исторической основе «Моцарта и Сальери» — совершенно побочный по отношению к основной проблематике трагедии — приобретал все более ясные очертания по мере разработки биографии Моцарта.

В 1962 г. появилась статья И. Бэлзы «Моцарт и Сальери» (Об исторической достоверности трагедии Пушкина), где был дан критический обзор биографической литературы о Моцарте и о Сальери как раз под этим углом зрения. И. Бэлза приходил к выводу, что легенда исторически обоснована. Однако его анализ убедил не всех А. Гозенпуда заново проделал работу по анализу источников и пришел к противоположным выводам. Возражал И. Бэлзе и Б. Штейнпресс.

Об этой полемике совершенно справедливо писал О. Пини в обзоре пушкиноведческой литературы за 1962—1963 годы: «...Пolemика по поводу этой легенды... уже давно вышла за пределы компетенции пушкинистов: вопрос о реальных причинах смерти Моцарта подлежит решению биографов композитора и историков венской общественной жизни». П. Бекедин волен думать иначе и брать на себя роль арбитра в специальных вопросах биографии Моцарта. Но тогда он должен собрать все сохранившиеся сведения о смерти композитора, сопоставить данные, учесть литературу (в том числе и

зарубежную, ибо и сам Моцарт был «зарубежным» композитором) и вывести некое заключение или присоединиться к уже высказанному.

Но «наука» П. Бекедина оказывается органически враждебной фактам и доводам. Ему все ясно заранее — отравил Сальери Моцарта или нет. Он не желает слушать никакой аргументации и поэтому ничтоже сумняшеся приводит в пример ошибки неизданную и неизвестную ему работу А. А. Гозенпуда (его доклад на заседании группы пушкиноведения ИРЛИ в 1962 году остался неопубликованным).

С этих-то позиций П. Бекедин упрекает некоторых пушкинистов в «фактических ошибках и разного рода неточностях», в том числе принципиальных опечатках, которые, кажется, его особенно беспокоят.

2

«Число исследований проблемно-аналитического, обобщающего характера в последние годы резко упало. Авторы книг и статей о Пушкине предпочитают, что называется, размениваться по мелочам. У нас немало специалистов, занимающихся запятыми, многоточиями, зачеркнутыми словами, разного рода маргиналиями, — и это отрадно, однако ощущается недостаток пушкинистов-универсалов, пушкинистов-энциклопедистов».

Итак, вторая проблема — пушкинская текстология.

Текстологов, увы, не «немало», их мало до такой степени, что мы до сих пор не имеем научного описания пушкинских рабочих тетрадей, не говоря уже о полном описании всех пушкинских рукописей, поступивших в Пушкинский Дом с 1937 года.

Развитие пушкиноведения в советское время было органически связано с развитием текстологии. В процессе работы над 16-томным «большим» академическим изданием формировались пушкиноведческие кадры и тогда же складывались принципы советской научной текстологии, выдвинувшей ее на первое место в мире. Об этом очень точно и увлекательно рассказал в своей недавней статье Н. Измайлов, один из виднейших текстологов-пушкинистов старшего поколения: «... Был прежде всего отброшен старый взгляд на черновую рукопись как на нечто застывшее, неподвижное во времени, взгляд, лежавший в основе прежних транскрипций, показавших всю свою несостоя-

тельность в «старом» академическом издании, и воспринято новое воззрение на черновики — как на выражение движущихся во времени процессов, отражающих развитие творческой мысли автора. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», — писал Пушкин в «Арапе Петра Великого». Таким «следованием за мыслями» и является новая система чтения пушкинских черновиков — система, основанная на том, что, по замечательно точному выражению Б. Томашевского, «черновик Пушкина носит характер стенограммы творческого процесса».

«Многоточия» и «зачеркнутые слова» — знаки в этой стенограмме. Если бы осмеянные П. Бекединым педанты нескольких поколений не тратили над ними годы, вряд ли ему удалось бы «остаться наедине», например, с десятой главой «Онегина», и он до сих пор читал бы «Медного всадника» до искаженного тексту первого посмертного издания. Именно они, эти специалисты по «разного рода маргиналиям», прежде всего и нужны при подготовке нового академического издания, без которого «страдает пушкиноведение»; при всем том заблуждаются те, кто думает, что среди пушкинистов существуют «чистые» текстологи, и истины ради мы вынуждены заметить, что нарисованная П. Бекединым картина — чистойшей фикция. Еще в 1934 году Б. Томашевский вынужден был разъяснять: «Литературовед не может быть не-текстологом, т. е. лицом, не умеющим разобраться в тексте. Равно и текстолог явится в весьма жалком виде, если он не будет литературоведом, т. е. не сумеет разобраться в смысле изучаемого и издаваемого текста». Именно в среде советских пушкинистов старшего поколения создалось неписанное правило: исследование творческих проблем поверять данными рукописи — по П. Бекедину, «запятыми, многоточиями... разного рода маргиналиями».

Вместе с тем следует иметь в виду, что рукопись далеко не всегда дает однозначный ответ на интересующий исследователя вопрос. Нередко читателей, мало знакомых с вопросами текстологии, ставят в тупик расхождения в текстах весьма авторитетных изданий Пушкина: большого академического, 10-томного, выпущенного издательством «Художественная литература» в 1962 г. и др. — и они требуют немедленно восстановить истину: «подлинный пушкинский текст». (Таких рас-

хождений особенно много в критической прозе (ср., напр., статьи «О народности в литературе», «О ничтожестве литературы русской»), «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» и др.). Однако сделать это, бесспорно, не удастся, и дело вовсе не в ошибках текстологов, а в состоянии авторской рукописи. Когда текст произведения не завершен, изобилует вычерками и вставками, место которых автором не обозначено точно, текстологам приходится прибегать к реконструкции, всегда более или менее условной, и они могут расходиться в окончательном решении. Так, условно, реконструируется текст «Русалки». Драма не была закончена; Пушкин собирался перестроить композицию уже написанного текста, но не успел этого сделать и лишь наметил в рукописи новое положение фрагментов. Текстологи пытались завершить эту работу по прямым указаниям Пушкина, но оказалось, что механически сделать этого нельзя: пришлось бы прямо вторгнуться в пушкинский текст. Поэтому «Русалка» печатается в том виде, какой она приняла, когда Пушкин прервал над ней работу.

В последнее время В. Рецпетер сделал попытку вновь вернуться к этой проблеме и обосновать правоту своей композиции, основанной на начатой Пушкиным работе. Он исходил из предположения, что в действительности драма Пушкиным окончена и лишь осталась в черновой рукописи. Свои текстологические соображения он подкреплял анализом текста и сценической постановкой «Русалки».

Эти гипотезы разделяются далеко не всеми, но, чтобы аргументированно оценивать их, необходимо заново проанализировать рукопись «Русалки», критически проверив его частные наблюдения и общие выводы. Несомненно, однако, что В. Рецпетер затронул реально существующую проблему.

П. Бекедин проблемы не видит и росчерком пера заносит в свой критический мартиролог: «Уже не первый год ходит в пушкинистах — а удостоиться этого звания ныне можно, видимо, запросто — артист В. Рецпетер, статьи которого сколь оригинальны, столь и поверхностны».

П. Бекедин «ходит в пушкинистах» первый год, и это дает ему преимущество. По части текстологических проблем он совершенно невинен. Для него все это «разного рода маргиналии». Поэтому он и употребляет сло-

вечко «поверхностны», но статьи В. Рецпетера можно упрекать в чем угодно, только не в «поверхностности».

Так решаются в статье П. Бекедина проблемы текстологии. Очевидно, и любовь его к академическому изданию носит характер чисто платонического.

3

«Излюбленным нежданно-негаданно у историков литературы стал вопрос о «западных влияниях» на произведения поэта (показательны в этом плане статьи и заметки В. Э. Вацуры, а также некоторых других). А ведь еще в 1949 году Н. К. Пиксанов справедливо подчеркивал: «Как негодную ветошь следует отбросить потуги литературоведов-книжников и формалистов объяснять развитие пушкинского творчества из тогдашних споров о классицизме, сентиментализме, романтизме, реализме, из «западных влияний» и т. д.».

Итак, проблема «западных влияний» на Пушкина. Ее разбор мы начнем с приведенной цитаты.

Ненавистник авторитетов, П. Бекедин не избежал, однако, соблазна «двинуть цитату», причем явно дезинформирующую. Читатель, который не знает ни обстоятельности ее появления, ни истинной позиции Н. Пиксанова, может, чего доброго, поверить критику, что покойный ученый прочно стоял на позициях антиисторизма.

На самом деле все обстояло иначе. Н. Пиксанов никогда не отрицал изучения «влияний», он возражал только против смешения понятий «влияние» и «механическое заимствование», «цитирование». В статье «Грибоедов и западные влияния» он сформулировал это совершенно ясно: «При изучении «влияний» необходимо строго различать: 1) случайное совпадение, внешнее сходство при совершенной независимости; 2) простое заимствование, 3) прямое подражание, наконец, 4) органически переработанное возбуждение — истинное влияние». Этого общего принципа он придерживался и в поздних своих работах: так, в 1967 году в книге «Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова» (посвященной, кстати, прежде всего реально-историческим источникам лермонтовского романа) он специально коснулся вопроса о западной традиции: «Отбрасывая мелочные сличения и натяжки, (...) признавая центральной проб-

лемой в «Вадиме» проблему крестьянского восстания и в литературе ища параллелей именно этой проблеме, мы устанавливаем в мировой традиции для «Вадима» прецеденты, которые образовали именно ту традицию, какую органически освоил Лермонтов. Здесь известное значение имеют и «Гец фон Берлихинген» Гете и «Лара» Байрона. Больше значимы «Бюг Жаргаль» В. Гюго и «Шуаны» Бальзака, а всего больше — «Жакерия» П. Мериме».

Н. Пиксанов, таким образом, П. Бекедину не союзник: он прекрасно понимал, что изучать европейские литературные связи писателя и «объяснять его из «западных влияний» — вещи разные. Теперь по существу самой проблемы (речь, конечно, не пойдет о «статьях и заметках В. Э. Вацурь», который не может быть судьей в собственном деле). П. Бекедин торгся в обширную область изучения, которая носит название «сравнительно-исторической» и, конечно же, начал с ошибки, причем с той самой, против которой предупреждал Н. Пиксанов. Он употребил понятие «влияние» в том глобальном смысле, какой придавали ему дореволюционные компаративисты, — от цитирования до воздействия творческой системы. Между тем современная наука стремится избежать этого термина именно в силу его неопределенности. Она рассматривает процесс культурного взаимодействия разноязычных литератур и те изменения, которые претерпевает иностранный источник, попадая в чужую языковую и литературную среду. При таком понимании задач исследования объяснять творчество из иностранных влияний просто невозможно.

В книге «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования» академик М. Алексеев сформулировал эти задачи применительно к творчеству Пушкина, и я позволю себе процитировать ее, чтобы избежать пересказа. «...Творчество великого русского поэта следует изучать на фоне и в тесной связи с историей мировой культуры, потому что и сам он представляет собою явление широкого исторического значения, переросшее национальные и языковые границы. Всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальности гений Пушкина может быть понят (...) только после многих и длительных усилий, которые мы должны затратить на то, чтобы сопоставить его творчество с различными и разновре-

менными явлениям в мировой литературе. Нет, вероятно, ни одного большого или мелкого произведения Пушкина, которое не стоило бы поставить в связь с тем или иным памятником западноевропейской мысли,— чтобы такое сопоставление или прояснило ту или другую личную особенность Пушкина как писателя, или подчеркнуло всю его самостоятельность и творческую зрелость».

Это заключение подтверждается всей историей сравнительно-исторического изучения Пушкина. В 1924 году В. Жирмунский обратился к теме, уже тогда тривиальной — «Байрон и Пушкин». Он обследовал сотни источников, не чуждаясь черной работы и «мелочных» параллелей, и показал с фактами в руках, что проблема соотношения писателей гораздо шире, чем простое «влияние» (а именно так думали ранее, начиная с современников Пушкина), что даже в период наиболее интенсивного воздействия Байрона Пушкин осваивает его наследие творчески, по иным, чем у Байрона, законам литературной эволюции и создает совершенно особый тип «байронической поэмы», закрепившейся затем в русской литературе.

Б. Томашевский также, обследуя десятки источников, выдвинул тему «Пушкин и Французская революция».

Разыскания об источниках пушкинских произведений, о цитатах у него из различных авторов, в том числе и иностранных, могут быть важны и не только как «подсобный материал». Эпоха Пушкина была эпохой «переизобретения», не даром же у истоков ее стоит фигура Жуковского, о котором сам Пушкин писал: «Я не следовал, а точно ученик его». Переводы Жуковского во многом формировали стиль русской романтической литературы (в том числе стиль раннего Пушкина), и это отнюдь не свидетельствует о «подражателности». Весьма любопытно, что Гете считал национальной особенностью русской литературы именно активный характер усвоения источника: «Шотландец стремится проникнуть в произведение; француз — понять его; русский — себе присвоить». Этот активный характер усвоения и затем художественного воссоздания чужих культур — одна из кардинальных особенностей творческой манеры Пушкина: так он поступал в «Подражаниях Корану», многочисленных «подражаниях Древним», в «маленьких трагедиях» и т. д. И здесь разыска-

ние об источниках оказывается единственным средством проникнуть в глубины его поэтики. Не говорим уже о том, что «Каменный гость», например, предполагает в читателе знание традиционного сюжета о Дон-Жуане: читатель, который знает только то, что Пушкин был великим поэтом и сыном своего народа, не поймет не только оригинальности подхода Пушкина к сюжету и коллизии, но и самого текста. Поистине медвежьей услугой Пушкину было бы исключение иностранных аналогов и возможных источников и при изучении, например, «Скупого рыцаря».

Известно, что Пушкин снабдил свою трагедию подзаголовком «Сцены из Ченстоновой трагикомедии».

Когда П. Анненков готовил свое издание Пушкина, он сделал попытку объяснить эту запись, но не нашел такой «трагикомедии» и обратился за помощью к И. Тургеневу. «Ченстон продолжает составлять мучение моей жизни», — жаловался этот добросовестный исследователь в письме к Тургеневу от 4 ноября 1852 года. Тургенев горячо откликнулся; он обратился к знакомым английским литераторам. 2 февраля 1853 г. он сообщил Анненкову ответ. «Ченстона» найти не удалось; речь могла идти лишь о В. Шенстоне, английском поэте XVIII века, — но никаких следов подобной драмы у Шенстона не было. Тургенев продолжает поиски. «Несколько стихов в монологе Скупца», — пишет он Анненкову, — носят слишком резкий отпечаток нерусского происхождения — от них веет переводом; а именно:

**«совесть,
Когтистый зверь, скребящий
сердце, совесть»**

и т. д.

до
«Смущаются и мертвые
высшаяют».

Чистая английская, шекспировская манера!».

Только 15 июня 1853 г., затратив на поиски немногим менее года, Анненков и Тургенев получили из Англии окончательный ответ: «Такого писателя решительно не было».

Почти через тридцать лет, выступая с речью на открытии Тургенев говорил: «Да, Пушкин был центральным художником, человеком, близко стоящим к самому средоточию русской жизни. Этому его свойство должно приписать и ту мощную силу самобытного присвоения чужих форм, которую

сами иностранцы признают за нами, правда, под несколько пренебрежительным именем способности к «ассимиляции». Это свойство дало ему возможность создать, например, монолог «Скупого рыцаря», под которым с гордостью подписался бы Шекспир».

Вывод великого художника о глубинных национальных основах пушкинского творчества опирался на разыскание об иностранном источнике. Если бы он и Анненков пренебрегли этим последним, они бы поверили, что пушкинская трагедия — перевод.

В отличие от П. Бекедина ни Тургенев, ни Анненков (ни Белинский, заметим кстати) не считали, что литературные параллели и источники иностранного происхождения наносят ущерб национальной самобытности поэта. В отличие от П. Бекедина они верили в эту самобытность и не оскорбляли Пушкина (хотя бы из лучших побуждений), предлагая замалчивать и скрывать как нечто позорное факты его связи с мировой культурой. Равным образом и современное сравнительное литературоведение решительно отвергает те исходные посылы, от которых молчаливо отправлялся его близорукий критик. Они исходят из представления, что литературное произведение не целостная система, а сумма слов и строк, что писатель просто заимствует, списывает с чужого сочинения, а не пропускает источник сквозь свое эстетическое сознание, и что связи разных литератур не двусторонний и очень сложный процесс, а «влияние», подчинение.

Мы далеки от мысли обвинять в данном случае П. Бекедина в грехе злонамеренности, но он виновен в методологической беспомощности и потому не ведает, что творит.

4

«...Сейчас о поэте пишут все, причем не только пишут, но и печатают, самоуверенно думая, что их Пушкин должен быть непременно и незамедлительно обнаружен. Воля любителей, дилетантизма буквально захлестнула пушкиноведческую науку. Слишком многие хотят быть с первым поэтом России «на дружеской ноге», о чем с тревогой писала в минувшем году С. Соложенкина».

Здесь мы должны начать с согласия с критиком, — и чем дальше читаем его собственную статью, тем больше убеждаемся в справедливости его слов. Боимся только, что дилетанты с ним не согласятся. Они скажут ему, что

«...Доступен гений Для гласа искренних сердец», что в «инакомыслии» «нередко содержится гораздо больше истины, чем в устоявшихся и, казалось бы, незыблемых положениях относительно той или иной проблемы пушкинского творчества»; наконец, они, вероятно, приведут цитату из А. Далчева на ту тему, что важна не личность, а истина.

Но здесь мы возьмем под защиту П. Бекедина. Дилетантизм действительно принимает угрожающие размеры. Он многообразен и многолик. Он смотрит на читателя со страниц популярных журналов и внушает ему собственные доморощенные «факты» и идеи о Пушкине, сбивая его с толку, потому что не всякий читатель имеет время и возможность поверять сказанное профессиональной литературой. Он предлагает многотысячной аудитории суррогаты исследования, во имя сенсации выставляя напоказ одни факты и скрывая другие. Классический пример такого рода — недавняя статья В. Пигалева «Пушкин и масоны» («Лит. Россия», 9 февраля 1979)¹.

Дилетантизм опасен не сам по себе, а когда он представляется не тем, что он есть. Что за беда, если писатель или артист публично расскажет, как он понимает Пушкина, — он не претендует на звание пушкиноведа, он говорит о своем творчестве, и в этом своем качестве его суждение всегда заслуживает внимания и интереса. Любитель может стать профессионалом, — и примеры общеизвестны; любитель может быть профессионалом в своей области и помочь пушкиноведам своими специальными знаниями. Но в общих суждениях о Пушкине и его эпохе любитель не должен иметь права голоса. Выражаемся фигурально: нет никакой возможности или необходимости запрещать любителю писать о Пушкине, но, обра-

щаясь к общественному мнению, такой писатель должен знать, что он может, говоря словами арабской сказки, «усулыться то, что ему не понравится». И в этом отношении статья П. Бекедина полезна как общественный прецедент.

Мы видели, однако, каков этот «прецедент» в своих критических оценках и профессиональных суждениях. Попытаемся же выделить из статьи ее положительную программу — быть может, «бекединский» Пушкин окажется для нас полезным, как, скажем, Пушкин «цветаевский»? Как представляется себе П. Бекедин облик поэта?

«Ученик свободы и вольности» (что за стиль! — В. В.), «надежда своего народа», «сын своей эпохи, своего народа», «поэт, чей дар историка был исключителен», «великий муж России», «после подавления восстания декабристов... испытывал некоторое чувство смутения и одиночества», но «их нельзя возводить в абсолют», «являлся душой писателей пушкинского круга», «был великим поэтом-гражданином, неизменно чувствовавшим поддержку передовых людей», «...Он накануне своей гибели, как и в молодости, был весь в движении и не походил на старика, ожидающего западывающей смерти». Это последнее суждение, кажется, единственное сколько-нибудь развернутое, и оно варьируется: «Несомненно, что Пушкин 30-х годов, ищущий, борющийся, мятежный, хватающийся не за «свое» дело, есть тоже подлинный Пушкин». Его «...волнует все: и настроение супруги, и дети, и материальное положение семьи, и дела творческие, и издательские проблемы, и жизнь друзей и знакомых. Он не собирался умирать и не думал сдаваться».

Эту-то удручающе вторичную абстракцию П. Бекедин прилагает к конкретному материалу — и этот последний, будь то роман или исследование, естественно, начинает противиться. Критика это раздражает, и он принимается за вивисекцию. Но у него нет никаких иных общих идей, и он не владеет материалом эпохи. Тогда

он начинает искать цитаты, за которые может спрятаться. Естественно, что при таком методе он не разбирает, откуда приходит к нему «помощь», и мечется между исследованием М. Гиллельсона, популярной книжкой И. Ободовской и М. Дементьева и газетными выступлениями «взволнованного читателя». У него есть только две оценки — «хорошо» и «плохо», и он не в силах проанализировать явление, выделив его положительные и отрицательные стороны, он может только «расхвалить» или «разрутать», слегка заgrimировав то и другое под «научный анализ». У него нет исторического критерия оценки, для него не существует исторического контекста отдельному факту и эпизоду, как и целостного облика эпохи в ее многообразных конфликтах и связях. Он может быть прав в частных суждениях, но в целом — почти никогда, если только не касается положений совершенно элементарных. Оценки его вторичны, как вторична его позиция.

Это и есть дилетантизм в чистом и беспримесном виде, и то, что мы сказали о статье П. Бекедина, может быть отнесено к явлению вообще.

Но статья П. Бекедина имеет по крайней мере одну индивидуальную особенность. Дилетантизм в ней приобрел «научообразный» и агрессивный характер и противопоставил себя науке. Он явно обнаружил свою антипатию к научному методу познания исторических явлений, поставив на его место воинствующее незнание и стереотипность мышления, помноженные на полемический пафос. В этих случаях дилетантизм требует критической реакции, особенно если он претендует на создание общественного мнения и затрагивает имя Пушкина — «одного из самых любимых сыновей Руси великой».

ПОПРАВКА

В разделе «Литературный архив» («ЛО», 1979, № 11) публикацию «Под лучом истории. Из публицистики Юрия Олеши» подготовили С. Блох и В. Бадиков.

Художественный редактор И. А. ВАСИЛЬЕВ

Технический редактор В. А. АВДЕЕВА

Адрес редакции: 127254, Москва И-254, ул. Добролюбова д. 9/11 Телефоны: главный редактор — 219-92-63; заместители главного редактора — 219-92-49, 218-03-98; ответственный секретарь — 219-87-73; отделы: русской литературы — 218-02-94; литературы народов СССР — 219-92-54; критики — 219-88-22; зарубежных литератур — 219-89-47, публицистики — 218-42-88; «Литература в мире искусств» — 219-92-57; «Литература и читатели» — 219-92-61.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30.11.79. Подписано к печати 24.1.80. А 06021. Формат 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,76. Учетно-изд. л. 17,51. Тираж 30 000 экз. Изд. № 299. Заказ № 1613. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24

Литературное обозрение

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ
ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1973 г.

1

1980

Главный редактор — Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Редколлегия: **Гурам АСАТИАНИ,**
Вадим БАРАНОВ,
Альберт БОГДАНОВ,
Чингиз ГУСЕЙНОВ,
Сергей ДАРОНЯН,
Валерий ДЕМЕНТЬЕВ,
Игорь ДЗЕВЕРИН,
Николай ЗАДОРНОВ,
Георгий ЗЛОБИН,
Владимир ЗОЛОТАВКИН,
Леонид ИВАНОВ,
Мухамеджан КАРАТАЕВ,
Лазиз КАЮМОВ,
Зоя КЕДРИНА,
Виталий КОРОТИЧ,
Феликс КУЗНЕЦОВ,
Валентин ОСКОЦКИЙ,
Михаил ПАРХОМЕНКО,
Никифор ПАШКЕВИЧ,
Владимир ПИСКУНОВ,
Тимофей ПРОКОПОВ
(ответственный секретарь),
Миколас СЛУЦКИС,
Валентин ХМАРА
(заместитель главного редактора),
Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ,
Борис ЯКОВЛЕВ
(первый заместитель
главного редактора)

В НОМЕРЕ:

Заметки В. БАРАНОВА о поездке по ленинским местам и Днях советской литературы в Красноярском крае (стр. 3).

Разговор за «круглым столом»: «Духовный мир человека в белорусской и литовской поэзии» (стр. 8).

Наследие революционных демократов — статья И. КЛЯМКИНА (стр. 19).

«Проза семидесятых» — на эту тему в «Дискуссионном клубе» выступают А. БОЧАРОВ, В. КАМЯНОВ, В. РОСЛЯКОВ (стр. 36).

Роман Дм. БАЛАШОВА «Великий стол» — с разных точек зрения (стр. 40).

«Интервью не по личным вопросам» — беседа с кинорежиссером Ланой ГОГОБЕРИДЗЕ (стр. 91).

В почте «ЛО» — письмо Э. ВАЦУРО о дилетантизме в изучении истории литературы (стр. 107).